

**ИСТОРИКИ И. Д. КУЗНЕЦОВ И Е. И. МЕДВЕДЕВ
В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ**

Статья посвящена судьбам историков Е.И. Медведева и И.Д. Кузнецова в годы политических репрессий в СССР. На основе архивных материалов показано взаимоотношение власти к исторической науке в регионах.

Ключевые слова: историки, политические репрессии, сталинизм, реабилитация, Среднее Поволжье.

Репрессии 1930-х гг. XX века были и остаются одной из трагических страниц российской истории. В общественном сознании 1937-1938 гг. ассоциируются не только с небывалыми успехами в развитии народного хозяйства, но и с пиком политических репрессий, широко применявшихся сложившимся режимом власти. Жертвами становились, в первую очередь, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники, а также представители творческой и научно-технической интеллигенции. Несмотря на то, что на эту тему было достаточно публикаций, серьезные исторические источники, увидевшие «свет» в начале XXI века, заставляют обращаться к проблеме массовых политических репрессий снова и снова.

Рассматривая судьбы двух крупнейших ученых, историков, людей, которые стояли у истоков развития крупнейших вузов страны – Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова и Самарского государственного университета, Ивана Даниловича Кузнецова и Ефрема Игнатьевича Медведева, невольно находишь все больше похожих жизненных ситуаций, одна из которых, к сожалению, годы «большого террора».

В 1930-е гг. началось решительное наступление сталинистов на историческую науку. История страны была полностью пересмотрена, переработана и превращена в «конкретную науку», «объективную истину», в «грозное оружие в борьбе за социализм» [1.С. 48]. Ситуацию, сложившуюся в это время среди историков, достаточно четко характеризует И.Д. Кузнецов в введении к своей книге «Крестьянство Чувашии в период капитализма»: «...нам, молодым историкам, была свойственна поспешность и отчасти поверхностность в анализе исторических тем; еще не хватало глубины и широты использования первоисточников и навыков

---

* © Матюшин П.Н., 2008

Матюшин Петр Николаевич – кафедра документоведения и документационного обеспечения Чувашского государственного университета

применения диалектического метода к изучению своеобразий конкретного исторического процесса. К тому же, влияние культа личности Сталина толкало историков на догматическо-иллюстративный подход к освещению исторической тематики. Это особенно чувствуется в работах, изданных после появления «Краткого курса истории ВКП (б)» [2.С.5].

В конце 20-х гг. органы госбезопасности успешно «раскрыли» дело академика С. Ф. Платонова (115 человек было обвинено в организации «Союза борьбы за возрождение свободной России» [3.С.52]). Подобные процессы проходили и в провинции, в том числе и в Казани. Один из них, так называемое «дело казанцев», непосредственно затронуло Е.И. Медведева.

12 февраля 1935 г. Ефрем Игнатьевич был арестован и обвинен в «контрреволюционной, троцкистской деятельности». 15 октября 1935 г. состоялось Особое совещание при НКВД СССР, на котором Ефрем Игнатьевич был осужден «за недонесение о контрреволюционной деятельности других лиц и лишен права проживания в режимных пунктах сроком на три года» [1.С.64]. Для отбывания наказания избрали город Куйбышев.

Однако «большой террор» только набирал свои обороты, достигнув пика к 1937 г. Именно в этот период в Чувашии вскрывают «дело» правых капитулянтов, в число которых входит вся верхушка Чувашской парторганизации, в том числе и И. Д. Кузнецов – заведующий отделом культпросветработы и школ обкома партии.

Арест произошел 22 ноября 1937 г. В справке о мотивах ареста записано: «В период 1926-28 гг. Кузнецов, вместе с ярыми и изошренными чувашскими националистами Эльменем¹ и Юманом², в печати и практической деятельности, пропагандировали идеи буржуазного национализма, направленные на отрыв Чувашии от СССР.

После разоблачения их Кузнецов в период 1933-37 гг., пользуясь положением заведующего культпропа обкома ВКП (б), повел подпольно контрреволюционную националистическую деятельность, с этой целью на руководящие ответственные посты на культурном фронте протаскивал отъявленных националистов» [4.Л.1]. В постановлении о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения, датированном 24 апреля 1938 года, было написано, что «Кузнецов Иван Данилович изобличается в том, что он в составе антисоветской организации вел подрывную работу против Советской власти на протяжении длительного периода» [5.Л.1].

Однако помимо «стандартных» обвинений в троцкизме и буржуазном национализме в деле Кузнецова имеется акт экспертной комиссии по историческим работам ученого. Объектом изучения стала научно-исследовательская деятельность. Были проанализированы труды И. Д. Кузнецова и сделаны выводы: «... во-первых, Кузнецов в печати и в своих выступлениях неоднократно поднимал вопрос о борьбе с уклонами от генеральной линии партии, с буржуазным национализмом и контрреволюционным троцкизмом, однако, все эти выступления носили неискренний, формальный характер. Выступая на словах против эльменьщины и троцкизма, он не вел активной практической борьбы против них,

не мобилизовал партию на организацию для окончательного разгрома троцкистов и буржуазных националистов; во-вторых, Кузнецов в своих выступлениях и печатных «трудах» допускал извращения политики партии и правительства, выражавшиеся в перегибах, администрировании, в даче неверных политических установок и очковтирательстве; в-третьих, состоя в обществах по изучению Чувашского края, чувашской культуры, в Совете науки и культуры, попустительствовал контрреволюционной деятельности буржуазных националистов в этих обществах, доходя в отдельных случаях до прямой поддержки буржуазных националистов (Эльмень)» [6. Л.182-183].

В одной из докладных записок на имя уполномоченного КПК по Чувашской АССР Сахьяновой указывается, что «Кузнецов имел связь с казанским троцкистом Медведевым. Медведев, будучи работником Архива Татарии, доставал материал для Чувашии Кузнецову, в частности, по вопросу о т.н. картофельном бунте чуваш. Он являлся первоисточником» [7. Л.143].

Собранные в ходе ведения следствия «разоблачающие материалы» использовались для огульного обвинения тех, кто имел связи с «буржуазными националистами». Составлялись заведомо ложные доносы и справки на целые группы лиц, которых обвиняли в протаскивании чуждых идей. В обзорной справке «Об обществе изучения местного края Чувашской АССР» были использованы следственные материалы и сведения, полученные в ходе допросов, достаточно ярко описывается картина распространения эльменевщины и троцкизма в ЧАССР в деятельности общества. «Буржуазные националисты открыто клеветничали на партию и Советскую власть говоря, что Октябрьская революция чувашам ничего не дала, что чувашаи вымирают. Они даже в 1929 г. пытались доказать, что Чувашия переживает кризис оскудения» [8. Л.191].

В ходе следствия И. Д. Кузнецову пришлось перенести множество невзгод. Постоянные и изнурительные допросы, поток клеветы и необходимость в отстаивании своего доброго имени могли сломать кого угодно. Позже, будучи в лагерях ГУЛАГа, историк опишет все ужасы судебного следствия и повторно откажется от своих «признательных» показаний.

И. Д. Кузнецов видел, как подписывают признательные показания его товарищи: С. П. Петров, В. И. Токсин и другие. Проведенные очные ставки со многими из них убеждали Кузнецова, что необходимость противодействия этому с каждым днем все слабеет. Об ужасах застенков НКВД он вспоминает с содроганием сердца: «Когда привели меня в камеру, я дрожащим голосом сообщил товарищам, что признал себя состоявшим в нелегальной организации во главе с Петровым. Товарищи молчали, тяжело вздыхая» [9. С.108].

19 февраля 1939 г. состоялся суд. В заключительном слове сломленный истязаниями, И. Д. Кузнецов заявил: «...я прошу суд при вынесении мне приговора учесть мою работу по борьбе за генеральную линию партии» [6. Л.406]. Военный Трибунал Приволжского Военного Округа, по совокупности совершенных преступлений «приговорил: ...Кузнецова Ивана Даниловича подвергнуть тюремному заключению сроком на 10 лет, с поражением в политических правах на 5 лет» [10. Л.200 об].

Несогласные с вынесением столь сурового приговора, многие из обвиняемых написали кассационные жалобы. В них И. Д. Кузнецов подчеркнул: «Следователи явно антисоветскими методами добивались, чтобы я подтвердил клевету, объявив себя буржуазным националистом. После 9-месячных издевательств (измор голодом, карцер, пытки, рукоприкладство, демонстративное умерщвление других в подвале) я вынужден был подписать «показание»... я руководствовался страхом, а прежде всего опасением, что следствие, возглавляемое безусловно антибольшевистскими элементами сосредоточатся на безвинных большевиках...» [11. Л.50 об.].

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев жалобы осужденных, а также отмечая, что «в результате неполноты предварительного и судебного следствия суд вынес приговор, в котором виновность каждого из осужденных не мотивирована, не указано, какую конкретно вредительскую деятельность проводил тот или иной осужденный в народном хозяйстве ЧАССР, формулировка обвинения состоит из общих неконкретных фраз» определила «приговор суда отменить и дело вернуть на новое дораследование со стадии предварительного следствия» [10. Л.204].

Новый судебный процесс, который проходил с 3 по 13 февраля 1941 года, был повторением первого судебного заседания. В приговоре были лишь изменены судебные сроки: «Кузнецова И. Д. подвергнуть тюремному заключению сроком на 8 лет, с поражением в политических правах на 5 лет каждого» [6. Л.415].

Его кассационные жалобы, заявления в адрес Президиума Верховного Суда СССР, Военной Коллегии Верховного Суда СССР и даже самого И. Сталина не имели ответа. Но все они свидетельствовали о незаконных следствия и возможности «реабилитироваться, освободив из антипартийной паутины, умело созданной Уполномоченной КПК по Чувашской АССР Сахьяновой³ и ее ближайшими помощниками по этому гнусному делу Розановым⁴ и другими». Он видел произвол и пытался упредить это, обращаясь к И. Сталину с тем, чтобы он «вмешался в чувашские дела и предотвратил надвигающуюся угрозу фашистского истребления людей, душой и телом преданных Родине, делу большевистской партии...» [11. Л.187].

О тяжелых испытаниях тюремного заключения И. Д. Кузнецов сообщал в одном из писем: «Все силы, какие имел, я честно, по совести отдавал строительству Северо – Печорской магистрали, с осени 1941 по 1943 год, работая почти непрерывно на общих работах (траншеи, котлованы, работы по разгрузке строительного материала и т. п.), стараясь помочь Красной Армии, служить образцом трудовой дисциплины в тылу» [11. Л.192].

За 17 лет лагерей И. Д. Кузнецов осваивает новую профессию – технолога нефтедобычи, пишет статьи о новейших методиках добычи нефти и газа в условиях Севера. Там ученый подготовил книгу «Памятка об экономике геолого-поисковых работ. (Беседы с буровиками по опыту работы геолого-поисковой конторы треста)» и издал ее в Чебоксарах в

1957 году[12]. Как и все советские люди, в годы войны он пишет письма с просьбой об отправке на фронт, однако получает отказы. На фронте он теряет свою единственную дочь — Елену и двоих братьев.

Е.И. Медведев начинает работать преподавателем в Куйбышевском государственном педагогическом институте, там же защищает свою кандидатскую диссертацию. В годы войны ежегодно по два-три месяца участвует в заготовке дров, работает бригадиром на уборке хлеба в колхозе. В эти годы он хоронит сына и дочь.

Таким образом, долгие годы из жизни обоих ученых были вычеркнуты ужасы террора. Они лишились не только своих семей, своего дома, но и своего призвания — изучать историю своей страны, своего народа.

После смерти Сталина в марте 1953 г. начинается процесс реабилитации политических заключенных. 8 апреля 1955 года состоялось заседание Пленума Верховного Суда СССР, которое рассматривало вопрос о пересмотре уголовного дела по обвинению И. Д. Кузнецова, по решению которого «уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием в действиях состава преступления» [13.Л.196]. 20 октября 1955 года такое же постановление выносится по делу Медведева Ефрема Игнатьевича [1.С.189].

Примечания

¹ Д.С. Эльмень (Семёнов) (1885 — 1932) — видный государственный и партийный деятель. Родился в д. Исмендеры Ядринского уезда. С 1907 г. эсер, с конца 1917 г. — левый эсер, с сентября 1918 г. — коммунист. Участник революционного движения подвергался в 1907 году аресту. В 1907-1911 и 1914-1917 гг. — на военной службе. В 1917 г. делегат I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. С февраля 1918 г. — председатель Ядринского уездного Совета, с мая 1918 г. — заведующий Чувашотделом при Наркомате национальностей. Организатор Чувашской автономной области, председатель Чувашского ревкома, председатель Исполкома ЧАО. Обвинён и снят с постов в связи с крестьянским восстанием в январе 1921 г. Реабилитирован. В 1922-1924 гг. — ответственный секретарь Чувашского обкома ВКП (б). С осени 1924 г. по лето 1929 г. на учебе, окончил Институт Красной профессуры. С 1929 г. — доцент политэкономии Нижегородского коммунистического института, с 1931 г. — педагогического института. Подвергался травле как «правый уклонист».

² Д.П. Петров (Юман) (1885 — 1939) — чувашский писатель и журналист; член чувашской АПП. Сын бедняка-крестьянина. Родился в с. Большие Бюрганы Буинского района Республики Татарстан. Учился в университете Шанявского. С 1903 член организации социал-революционеров; принимал участие в революции 1905 г.. В 1917 г. — член Учредительного собрания. Во время чехословацкого восстания присоединился к чехам и был одним из деятелей Самарского комитета Учредительного собрания. С 1920 г. — на советской работе. Произведения Юмана: “Угыльча Кассы”, драма, рисующая классовую борьбу в деревне (переделана в киносценарий “Вихрь на Волге”), “Комиссар-хозяйственник”, повесть из эпохи восстановительного периода и др.

³ М.М. Сахьянова (1896 — 1981) — партийный работник. Родилась в Иркутской губернии. В 1914 г. окончила второклассную школу. В 1915 г. отправляется в Петроград на курсы Лесграфта, параллельно работала грузчиком, продав-

щицей газет, служащей. Член РКП (б) с 1916 г.. После Февральской революции — секретарь второго Городского райкома РСДРП (б) в Петрограде. В первой половине 1920-х гг. — студентка Коммунистического университета имени Я. Свердлова, после его окончания — секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП (б). С 1929 г. — переведена в ЦК ВКП (б) в качестве ответственного инструктора. В начале 1930-х гг. — учёба в институте Красной профессуры. В 1937 г. отправлена для партийной чистки в Чувашию в должности уполномоченного КПК при ЦК ВКП (б) по республике. В этом же году была избрана депутатом Верховного Совета СССР, награждена орденом Ленина. С 1949 по 1956 гг. — научный сотрудник Института Маркса-Ленина при ЦК КПСС. 12 октября 1956 г. по решению Комитета партийного контроля ЦК КПСС ей был «объявлен строгий выговор за антипартийное поведение». Умерла в г. Москве.

⁴ А.М. Розанов (1900-1939). Родился в Нижнем Новгороде в семье плотника. Русский. В партии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Депутат Верховного Совета СССР 1 созыва. В органах ОГПУ—НКВД с 1929 г.: помощник уполномоченного ЭКО Нижегородского губернского отделения ГПУ; начальник инспекции резервов ПП ОГПУ по Горьковскому краю; начальник отдела резервов УНКВД Горьковского края; нарком внутренних дел Чувашской АССР. Арестован в сентябре 1938 г.; приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР 22 февраля 1939 г. по ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Не реабилитирован

Библиографический список

1. Балашов, Г.В. Ефрем Игнатьевич Медведев — человек, ученый, педагог / Г.В. Балашов, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. — 176 с.
2. Кузнецов, И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма / И.Д. Кузнецов. Чебоксары: Чувашское книжн. изд-во, 1963. — 582 с.
3. Брачев, В.С. Травля русских историков / В.С. Брачев. — М.: Алгоритм, 2006. — 320 с.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3815. Л. 1.
5. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3819. Л. 1.
6. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3800. Л. 182 — 183.
7. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3817. Л. 143.
8. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3801. Л. 191.
9. Чекушкин, В.И. Трагедия личности. Попытка историко-философского осмысления / В.И. Чекушкин. — Чебоксары: Изд-во Чув. гос. ун — та, 1994. — С. 108.
10. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3803. Л. 200 об.
11. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3804. Л. 50 об.
12. Кузнецов, И.Д. Памятка об экономике геолого-поисковых работ (Беседы с буровиками по опыту работы геолого-поисковой конторы треста) / И.Д. Кузнецов. — Чебоксары, 1957. — 143 с.
13. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3796. Л. 196.

*P.N. Matyushin***HISTORIANS I.D. KUZNETSOV AND E.I. MEDVEDEV
WITHIN REPRESSIONS**

The paper is devoted to destiny of historians E.I. Medvedev and I.D. Kuznetsov within political repressions in the USSR. On the basis of archival materials the mutual relation of authority to a historical science in regions is shown.

Key words and phrases: historians, political repressions, stalinism, rehabilitation, middle Volga region.

Статья принята в окончательном варианте 27.08.08 г.